

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 811.58-62

Код ГРНТИ 16.41.57

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-94-109

С.Ю. ДМИТРЕНКО***Лексика традиционной
материальной культуры
в языках Юго-Восточной Азии¹**

В статье сообщается об основных результатах завершившегося научного проекта «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии». Основная цель проекта состояла в том, чтобы показать, как общие элементы материальной культуры, характерные для различных народов Юго-Восточной Азии, отражаются в языках данного ареала (прежде всего, конечно, в лексике этих языков). В качестве иллюстрации исследований, проведённых в рамках проекта, анализируются одна из лексем, обозначающих гонг, и лексема, обозначающая кимвал. Исследование позволяет увидеть, как соответствующие термины «мигрируют» между языками, относящимися к различным языковым семьям. Выдвигаются гипотезы о путях распространения данных лексем в регионе. Также в статье рассказывается об основных результатах экспедиции, проведённой в 2022 г. на севере Камбоджи — в местах проживания коренных малочисленных народов австроазиатской семьи.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, языки Юго-Восточной Азии, материальная культура, лексика, гонг, кимвал, полевые исследования

Основная цель, которую ставили перед собой участники проекта «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии»², осуществлявшегося в 2020–2022 г., состоя-

ла в том, чтобы показать, как общие культурные реалии (= элементы материальной культуры), характерные для различных народов Юго-Восточной Азии (далее — ЮВА), отражаются в языках данного ареала (прежде всего, конечно, в лексике этих языков).

* **Дмитренко Сергей Юрьевич** — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института лингвистических исследований РАН, руководитель проекта «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии» (20-012-00325). E-mail: dmitrserg@gmail.com

¹ Автор выражает глубокую признательность за консультации своим коллегам Е.Н. Емельченковой, А.К. Касаткиной и, в первую очередь, М.В. Станюкович.

² В проекте приняли участие исследователи, представляющие различные научные учреждения России: Институт лингвистических исследований РАН (С.Ю. Дмитренко), Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (М.В. Станюкович), Институт языкознания РАН (И.В. Самарина), РГГУ (Н.М. Краевская).

Мы полагаем, что в традиционных культурах нескольких сотен коренных народов ЮВА, говорящих на языках, которые относятся к разным лингвистическим семьям (австроазиатской, австронезийской, сино-тибетской, таи-кадайской, хмонг-мьен)¹, можно наблюдать множество общих явлений, «констант» материальной культуры. Именно они и формируют единый культурный континуум огромного ареала ЮВА — материковой («Индоки-тая») и островной («Нусантары»). Составляющие этого культурного пространства, естественно, отражены в лексиконах этих языков в виде специальной «культурной» терминологии.

Примером культурных реалий, общих для всего ареала, служат сельскохозяйственные инструменты, некоторые предметы домашней утвари, рисовая брага, бетельная жвачка, культурные растения, свайные жилища и иные строения, их части, гонг/кимвал, барабан, буйвол и некоторые другие домашние животные, технологии кулинарной обработки продуктов. Культурная общность, границы которой «фиксируют» перечисленные общие реалии, является более древней, глубинной, и, в каком-то смысле, более существенной для описания и понимания данных культур, чем, например, для внутренних ареалов Юго-Восточной Азии, привычно выделяемых и связанных с доминирующими в них религиями: буддизмом тхеравады (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд), буддизмом махаяны (Вьетнам), исламом (Малайзия, Индонезия, Бруней), христианством (Филиппины).

Мы стремились выявить и описать некоторые общие для родственных и неродственных языков ЮВА лексемы, обозначающие различные культурные феномены, выявить зоны их распространения и возможные пути заимствования, если послед-

нее имело место. Среди рассмотренных лексем, есть, например, слова обозначающие бетельную жвачку, ареку, камфору, рисовую брагу, традиционное жилище (свайный дом), гонг и т.д. Разумеется, изучение подобной «культурной» лексики невозможно без одновременного изучения соответствующих областей традиционной культуры народов ЮВА. Тезисы, изложенные выше, мы поясним несколькими связанными примерами, которые демонстрируют особенности этнографического и лингвистического материала, с которым имеют дело участники проекта.

Case study. Термины, обозначающие гонги и похожие инструменты

Одним из наиболее важных объектов материальной культуры народов ЮВА, распространённых почти у всех населяющих её народов, является *гонг* (ил. 1). Это не просто традиционный музыкальный инструмент (хотя он и используется в качестве такового в составе «светских» оркестров и камерных музыкальных ансамблей, которые сопровождают представления традиционных театров). Гонг — один из центральных атрибутов религиозного «анимистического» культа. Основное и, вероятно, первичное применение гонга — шаманские и медиумические ритуалы, сопровождение жертвоприношений и ритуальных пиршеств (ил. 2). Принадлежа к сфере традиционной религии, гонг находится в одном ряду с другими важными для народов ЮВА культурными феноменами, включёнными в религиозные ритуалы, в которых осуществляется коммуникация с потусторонним миром: жеванием бетельной жвачки, изготовлением и употреблением рисовой браги (*rice wine*), принесением в жертву буйвола.

Процитируем французского исследователя С. Вожея, крупнейшего специалиста

¹ Существуют лингвистические теории, постулирующие объединение некоторых из этих семей в макросемью, объём которой может быть различен, однако все они остаются гипотезами, не имеющими надёжных доказательств. Наиболее известной из них является «австро-тайская гипотеза» П. Бенедикта, объединяющая в макросемью австроазиатские и таи-кадайские языки (в поздних версиях к ним добавляются хмонг-мьен и японо-рюкюские). Кратко об австро-тайской гипотезе см. [17].

Ил. 1. Большой сосковый гонг в деревне народа крынг.
Камбоджа, пров. Ратанакири, 2017 г. Здесь и далее
фото С.Ю. Дмитренко

по языку и культуре пнонгов (бунонгов) — мон-кхмерского народа бахнарической группы, проживающего по обе стороны вьетнамско-камбоджийской границы:

«Среди музыкальных инструментов гонги и кимвалы, безусловно, являются самыми ценными; подобно кувшинам (имеются в виду кувшины для рисовой браги. — С.Д.), они считаются ценным имуществом, передаваемым из поколения в поколение. В то время как струнные инструменты и различные виды флейт используются для «лёгкой» музыки, гонги и кимвалы призывают богов и духов природы <...> Среди пнонгов не принято без причины бить в гонг, не принято пить

из кувшина (брагу. — С.Д.) в одиночку. Точно так же чтение некоторых молитв, даже вне обычного контекста, по просьбе исследователя, требует небольшой жертвы: не стоит зря тревожить богов. Наши хозяева так и не согласились продемонстрировать нам игру на гонгах, настаивая на том, что для неё должен быть повод, т.е. церемония и значительная жертва»¹ [15, с. 36].

В религиозной практике буддийских народов ЮВА (кхмеров, лао, тайцев и др.) гонги также занимают своё место. Так, в монастырях буддистов-тхеравадинов обычно имеется специальное сооружение типа беседки, предназначенное для гонга, звуки которого отмечают начало и конец дня, созывают монахов к трапезе и т.д. (вместо гонга может использоваться большой барабан). Кроме того, гонг может находиться в одном из центральных сооружений буддийского монастыря — вихаре (ил. 3, 4).

Общеизвестно, что в древней Камбодже гонги были распространены чрезвычайно широко [7, с. 141–144; 6; 14]. Об этом свидетельствуют археологические находки, изображения на барельефах в храмах Ангкор Ват (XII в.), Бантиай Чхма, Байон (оба — рубеж XII–XIII вв.)², упоминания в эпиграфических памятниках (ил. 5). Более того, территории, исторически связанные с культурой древних кхмеров (и шире — мон-кхмеров), могли являться одним из очагов распространения гонгов в ЮВА. Так, А. Николас, ссылаясь на мнение одного из крупнейших филиппинских этномузыкологов, Х. Маседы, пишет, что плоские гонги, известные у народов Северного Лусона, могли прийти туда в первом тысячелетии нашей эры с территории

¹ Сошёлмся на собственный полевой опыт. В 2017 г. нам удалось наблюдать выступление ансамбля гонгов в деревне народа крынг (мон-кхмерский народ западной подгруппы бахнарической группы). Данное выступление предваряло жертвоприношение, совершённое в одном из домов деревни.

² Подробный анализ изображений гонгов на барельефах храмов ангорской эпохи см. в работе [14].

Ил. 2. Ансамбль гонгов в деревне народа крынг (исполнители держат в руках как сосковые, так и плоские гонги). Камбоджа, пров. Ратанакири, 2017 г.

Ил. 3. Беседка для гонга в Ват Унналоум (центральном буддийском монастыре Пномпеня). Слева — декоративный большой гонг с символикой стран — членов АСЕАН. Камбоджа, 2020 г.

древнейших мон-кхмерских «государств» Фунани и Ченлы [13, с. 362].

Для обозначения гонга в древнекхмерской эпиграфике используется санскритский термин *tāla*, отсутствующий в со-

временном кхмерском языке. Он встречается в памятниках начиная с X в.: см., например: *tāla 6* (K.669C: 25) 'шесть гонгов' (972 г.); *tāla samrit* (K.370: 11) 'бронзовый гонг' (978–1077 гг.); *sgar mvay tāla*

Ил. 4. Гонг в вихаре монастыря Ват Паккханг, г. Луангпхабанг, Лаос, 2020 г.

chanda pansam (K.754B: 22) ‘один барабан с благозвучными гонгами в придачу’ (1308 г.). В более ранних текстах (ориентировочно до 677 г.) дважды представлен композит *kaṅsatāla: kaṅsatāla piy samṛt* (K.389B:15) ‘три бронзовых гонга’, *kaṅsatatāla taṅteṅ* (K.424B: 5) ‘бронзовый гонг, отбивающий часы’. Ф. Дженнер в [8, с. 2] интерпретирует такой композит как сочетание корней *kaṅsa* ‘любой сплав из цинка и меди, бронза’ (он, однако, представлен здесь не в исходной санскритской форме, а заимствован из пракрита в форме *kaṅsa*) и уже известного нам *tāla* ‘гонг’ (в случае *kaṅsatatāla* этот корень используется в трансформированном виде — с редупликацией первого слога).

А. Николас [13], специально занимавшийся рефлексам *kaṅsa* в языках ЮВА (кроме древнекхмерского они имеются в древнетямском, тайском, бирманском и целом ряде языков Нусантары), пишет, что древнеяванское слово *kaṅsa* могло обозначать металлический сосуд или колокол [Там же, с. 222]. В древнеяванских текстах начиная с IX в. [Там же, с. 357] представлена и форма со звонкой инициальной *gaṅsa* в том же

значении ‘металлический колокол’ (звонкий характер инициали может быть как местной новацией, так и, как предполагает А. Николас, наследием пракрита).

Форма с экспонентом типа *gangsā*, по данным А. Николаса, обнаруживается в разных языках Нусантары и, в частности, Северного Лусона, но уже в значении ‘тонг’ и даже ‘ансамбль гонгов’ [13, с. 224].

В древнеяванских текстах фиксируется ещё одна форма — *goṅ* ‘гонг’ и ряд её морфологических производных. Примеры употребления можно встретить, например в древнеяванских памятниках XIV в. «Арджунавиджая» и «Сутасома».

Однозначно ответить на вопрос, может ли форма *goṅ* быть связанной с *gangsā* (например, появиться в результате моносиллабизации последней), по-видимому, невозможно. Если такую возможность допустить, то придётся признать, что именно в островной ЮВА сформировался своего рода «прототермин» **gang(sa)* ‘тонг’, который, как мы увидим чуть позже, распространился далее на значительную часть Юго-Восточной Азии.

Вернёмся теперь к современному кхмерскому языку. Здесь представлен целый ряд

Ил. 5. Изображение военного гонга на барельефе из храма Байон, Камбоджа, 2022 г.

терминов, обозначающих разновидности гонгов. На двух из них мы остановимся подробнее¹.

Основным термином, обозначающим гонг в кхмерском языке, является лексема *kɔːŋ*. Как и во многих других культурах ЮВА, в кхмерской традиции различаются *плоские гонги* и *сосковые гонги* (ил. 6, 7). Плоский гонг (гонг с плоским тимпаном) именуется по-кхмерски *kɔːŋ chmɔːl* ‘гонг-самец’. Сосковый гонг отличается от плоского тем, что он имеет выпуклость в центре тимпана (по-кхмерски — *dvh* ‘сосок’). Кхмерское название такого гонга — *kɔːŋ niː* ‘гонг-самка’. Примечательно, что названия двух разновидностей гонга образованы по той же модели, что и названия животных (к собственно наименованию животного присоединяются слова со значением ‘самец’ и ‘самка’). Ср., например: *kɔː chmɔːl* ‘бык’ vs. *kɔː ɲ* ‘корова’ (где *kɔː* — заимствованное из санскрита название коровы — *go*, вытеснившее из употребления исконное кхмерское *tmur*), *mɔan chmɔːl* ‘петух’, *mɔan ɲiː* ‘курица’ (где *mɔan* — ‘курица’).

В Камбодже, как у кхмеров, так и у коренных народов, эти два типа гонгов сосуществуют. Это не является типичной ситуацией в ЮВА. Как указывает М.В. Станюкович, у народов Филиппин наблюдается нечто вроде «дополнительной дистрибуции» гонгов: в одних культурах используют только плоские гонги, а в других — только сосковые [2]).

Термином *kɔːŋ* (или аналогичным словом в языках коренных малочисленных народов) могут называть и различные виды бамбуковых и деревянных перкуссий и даже иных инструментов (ср., например, кхмер. *kɔːŋ russəj* ‘бамбуковый гонг’, тампуан *kɔːŋ tɕiŋ* ‘струнный щипковый инструмент с резонатором из бутылочной тыквы’). Однако в этом случае слово *гонг* (*kɔːŋ*, *kɔːŋ*) употребляется, скорее, уже как общий термин, обозначающий музыкальный инструмент (см., также [11]).

Самые ранние достоверные употребления современного термина, обозначающего гонг, в истории кхмерского языка мы встречаем в среднекхмерских текстах (среднекхмерским языком называется язык

¹ Помимо этого, в кхмерском представлены термины для гонгов разных типов: *rɔːkean*, *mpɔːŋ* и *khmɔːh*, которые в настоящей статье анализироваться не будут по причине ограниченности её объёма.

Ил. 6. Плоский гонг в деревне народа тампуан. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2022 г.

памятников XV–XVIII вв., тексты представлены не очень многочисленной эпиграфикой и памятниками на пальмовых листьях (*слэк рыт*), последние дошли до нас в более поздних копиях XIX и XX вв.). В древнекхмерском языке это слово, по-видимому, не зафиксировано (древнекхмерский язык — язык многочисленных эпиграфических памятников начала VII–XIV вв.).

В [14] указывается (хотя и со знаком вопроса) на существующие в древнекхмерских памятниках упоминания слова *koñ* (которое автор соотносит с гонгом). В словаре древнекхмерского языка Ф. Дженнера, однако, лексема *koñ* получает лишь следующие толкования: 1) ‘кольцо, круг, обруч, колесо’ (т.е. любой предмет в форме диска или кольца) и 2) ‘быть круглым’, т.е. она должна быть соотнесена с современным [kɔŋ] с тем же спектром значений, а не [kɔːŋ] ‘тонг’, которому, скорее, соответствовала бы древнекхмерская форма *gañ* [9, с. 47].

Одно из двух имеющихся употреблений *goñ* в эпиграфических памятниках словосочетание *koñ ranrum 6* в надписи K.669 (строка 25), датированной 972 г., может иметь две интерпретации: «шесть обёрнутых гонгов» (Ж. Сёдес) и «шесть витых колец» (Ф. Дженнер). Представляется, что последняя интер-

претация ближе к истине, пусть и в её правильности окончательной уверенности нет: в надписи приводится список даров, преподносимых святилищу Шивалинги, и «*goñ*» упомянут не среди музыкальных инструментов (которые перечислялись чуть раньше), а, скорее, в «смешанном контексте»: перед ним в списке фигурируют жезлы, а после него — колокольчики.

Второе употребление (оно относится к IX–X вв.) формы *goñ*, которое также было переведено Ж. Сёдесом как ‘гонг’, явно должно интерпретироваться иначе: речь, полагаем, идёт о серьгах в виде колец (здесь интерпретацию уже достаточно надёжно поддерживает контекст, в котором перечисляются драгоценности, входящие в состав дара): *pkā crasyak ruk 6 koñ ruk 6 can=suān 10 8* ‘6 (пар?) серёг в форме цветка, 6 (пар?) серёг в форме колец’ (K.947:{A22}). Серьги обоих типов обнаружены в ходе археологических раскопок.

В среднекхмерской надписи (IMA 36) с неопределённой датировкой, сделанной на стене Ангкор-Вата уже в поздний, постангорский период (т.е. после XV в.), читаем:

Достопочтенный настоятель монастыря Джотидева [saddṃmtēc jottidevā

Ил. 7. Сосковый гонг в деревне народа тампуан. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2014 г.

mahāsāgharāj], *движимый (своим) сердцем, что очищено верой, преподнёс* [букв. ‘принёс’] *2 статуи Будды, равного веса, каждая — один хап* [60 кг.], *и установил их для поклонения в Святом Маханагаре* [Mahānagar — постангкорское название храмового комплекса Ангкор-Ват], *также [принёс он] 4 раганга* [ragāmñ] *и, чтобы сопровождать игру оркестра, 3 гонга больших и малых* [gañ ddhamm me kūn goñ tūc], *1 гонг-пиат* [bādy gañ], *2 пары кимвалов* [cheñ], *2 гобоя* [sralaiy], *2 барабана* [sambor], *1 ящик для сумр* [16, с. 304–305].

Наиболее вероятный источник среднекхмерского слова *gañ* ‘гонг’¹, появляющегося в этом отрывке, — древнеяванский язык, где фиксируются форма *goñ* и её морфологические производные. Примечательно, что и в европейских языках источником слова *gong* считают яванский или малайский языки. Так, на его малайско-яванское происхождение (на основе ономотопа) в английском языке указывает Merriam-Webster Dictionary

(«from Malay (Austronesian) *gong*, which is probably imitative of its sound when struck»). Французский словарь «Trésor de la langue française» помечает это слово как «малайское или, скорее, яванское заимствование».

Если мы посмотрим, насколько распространены когнаты, восходящие к яванскому *goñ*, в языках материковой ЮВА, то увидим следующую картину. В восточных монкхмерских языках они представлены весьма широко. Так, например, их много в языках бахнарической и катуической групп (распространены на территории Вьетнама, Камбоджи и Лаоса). Ср., например, примеры из бахнарических языков: *kɛ̃aŋ* тампуан (придыхательная фонеция свидетельствует о том, что на предыдущем этапе развития языка инициаль данного слога была звонкой), *ga:ŋ* крынг/прэу, *giouŋ* мнонг рэлэм, *gɔ:ŋ* ньяхын и др., а также примеры из катуических языков: *ga:ŋ* кату, *kɔ̃aŋ* пакох, *khɛ̃aŋ* куи, *kɛ̃aŋ* бру. Примеры когнатов того же корня мы встречаем и во вьетских языках (территория Вьетнама и Таиланда): *khò:ŋ* тхавунг

¹ При этом одновременно рядом присутствует и орфографическая форма *goñ* — подобная «нерегулярная» орфография в пределах одного текста обычна в среднекхмерских памятниках. С другой стороны, далее упомянут *bādy gañ* ‘гонг-пиат’ — полукруглая конструкция из лежащих плашмя гонгов, с использованием орфографического варианта *gañ*.

(правда, не исключено, что здесь это может быть и тайским заимствованием — данный вьетский язык локализован на территории Таиланда), *công* вьетнамский¹.

Во всех перечисленных случаях слог-экспонент данной лексемы включает заднеязычную смычную инициаль (глухую, глухую придыхательную или звонкую) и заднеязычный носовой сонант в позиции терминали. Централь — гласный заднего ряда ([u] или [o]) или дифтонг, содержащий такой гласный.

Нам не удалось найти когнаты данной лексемы в северных мон-кхмерских языках (группы кхаси, палаунг-ва, манг): исключение — *kɔːŋ* в языке кхму, где это, вероятно, лаосское заимствование [18, с. 133]. Они практически не представлены в никобарских и аслийских языках (южная ветвь мон-кхмерских языков): исключение — аслийский язык кенсиу, где имеется форма *kogŋ*.² В монском языке (древнем и современном, распространённом на территории Таиланда и Мьянмы) подобной формы нет, но в его ближайшем родственнике языке ньякур (территория Таиланда) имеется лексема *khɔŋ*, которая, впрочем, как и в случае с языком кхму, о котором говорилось выше, может быть и поздним тайским заимствованием или более ранним кхмерским.

За пределами мон-кхмерских языков аналогичные лексемы встречаются в самых крупных юго-западных тайских языках: тайском и лаосском (в обоих случаях — *kʰɔːŋ*). При этом придыхательный характер инициали в данном случае свидетельствует о том, что ранее она была звонкой), однако, похоже, отсутствует в шанском. Какой-либо когнат не обнаруживается в бирманском (сино-тибетская языковая семья). Наконец, в самом крупном из австронезийских языков материковой ЮВА — тямском (Вьетнам,

Камбоджа) имеется слово *gauiŋ* [5], которое могло появиться как в результате заимствования из родственного малайского, так и в результате контакта с неродственными языками (кхмерским, вьетнамским).

Для извлечения звука по поверхности гонга бьют рукой или колотушкой (ил. 8), которая в кхмерском языке обозначается словом *ʔɔnluːŋ* (может использоваться и составное название *ʔɔnluːŋ kbaːl svaː* ≈ ‘колотушка с обезьяньей головой’). Такую колотушку изготавливают из дерева или бамбука, оборачивая её конец тканью, чтобы изменить характер звучания гонга³.

Сам кхмерский термин для колотушки (*ʔɔnluːŋ*) представляет значительный интерес для тематики нашего проекта. Впервые он встречается в текстах XVII в. (средне-кхмерский период) в значении ‘колотушка, язык колокола’. С нашей точки зрения, объяснение этимологии этого слова (по форме оно представляет собой типичное мон-кхмерское образование с пресиллабом) можно найти в мон-кхмерских языках группы кату (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Таиланд). См., например, слова со значением ‘дерево, древесина, деревяшка’ в языках бру (*ʔaːluɑŋ*), куай (*ʔəluɑŋ*), пакох (*ʔalɔːŋ*) и др. Все они, безусловно, восходят к одной и той же лексеме языка-предка, которую П. Сидвелл реконструирует как *ʔalɔːŋ*.

Другую группу корней со значением ‘колотушка для гонга’ мы встречаем в ряде австронезийских языков, где представлены лексемы типа: тагальский *tambóʔ*, малайский *taboh*, древнеяванский, *tabəh*, яванский *tabuh*, балийский *tabuh* (см. <http://www.trussel2.com/ACD/>), обозначающие колотушку для гонга или барабана. Эту группу когнатов можно сопоставить с лексемами некоторых мон-кхмерских языков бахнарической группы: тампуан (сев. диалект)

¹ Примеры из большинства мон-кхмерских языков (кроме кхмерского), если не указано иное, взяты из электронного Этимологического словаря мон-кхмерских языков, размещённого на портале <http://sealang.net>.

² Интересно, что локализация этого языка — район Малайзии рядом с тайландской границей — примерно совпадает с южными границами древнекхмерской Ангкорской империи в XII в. (период, когда территория древнекхмерского государства достигла своих максимальных размеров).

³ В современных условиях для изготовления колотушки могут использоваться разнообразные подручные материалы. Так, одна из колотушек на ил. 8 обернута не тканью, а куском резины — остатком шлёпанца [4, с. 353].

Ил. 8. Пожилые крынги проверяют гонги перед игрой. Посередине разложены колотушки для гонгов. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2017 г.

tapəh 'молоток', нгек *tapeh* 'ударять короткой палкой'. Ср. также: су *tapəh* 'толочь в ступе (рис)', тампуан *tapah* 'бить ладонью, давать пощечину' (кроме того, такая лексема есть в большинстве катуических языков и некоторых вьетских). Непонятно, можно ли включить в этот ряд древнекхмерскую форму *'dah/' adah*; (совр. *teah*) 'бить ладонью', откуда, вероятно, произошла лексема *randah* (совр. *rānteah*) 'молния'.

Вернемся, однако, к фрагменту среднекхмерской эпиграфической надписи на стене Ангкор-Вата, который мы процитировали ранее. Там упомянуто ещё несколько инструментов, относящихся к классу гонгов. Это *гонг-пиат* (*bādy gāñ*), *гонг-раганг* (*gagāmñ*), *кимвал* (*cheñ*). На двух первых инструментах мы сейчас останавливаться не будем. Скажем только, что первый из них представляет собой музыкальный инструмент, состоящий примерно из десятка гонгов, лежащих на платформе в форме полумесяца, а второй — небольшой медный гонг из толстого листа. В современной практике такой гонг используется в театре *басак* (поздний театральный жанр

музыкального театра, возникший под китайским влиянием). Название, вероятно, заимствовано из тямского *gagan*. Что касается кимвала, музыкального инструмента, состоящего из двух металлических тарелок, фактически из двух гонгов (современное кхмерское *cheñ*), то это ещё один из важных музыкальных инструментов в Юго-Восточной Азии (ил. 9). Корень, обозначающий кимвал, имеет, скорее всего, китайское происхождение: 钲 современное чтение *zhēng* 'военный гонг'. Слово присутствует в текстах «Ши Цзин» (XI–VII вв. до н.э.), «Шицзи» (109 и 91 гг. до н.э.), «Шовэнь цзецзы» (≈ 100 г. н.э.).

В языках ЮВА этот корень встречается очень часто, причём обозначать он может как кимвал, так и гонг (или какую-либо из разновидностей гонга). Соответствующие когнаты находим в различных группах австроазиатской семьи: кату *cī:ŋ* 'гонг', ксингмул *kəsiəŋ* 'гонг' (катуическая группа); бахнар *seeŋ* 'большой гонг', седанг *seŋ* 'гонг, кимвал', тариенг *ciəŋ* 'гонг', сре *ciŋ* 'гонг' (бахнарическая группа); вьетнамский *chiêng* 'гонг' (вьетская группа); палаунг *chēng* 'кимвал' (группа

Ил. 9. Кимвал ангорской эпохи (вероятно, XII–XIII вв.).
Лавапура — современная пров. Лопбури в Таиланде
(коллекция Национального музея в Бангкоке)

палаунг-ва); совр. монский *chaiŋ* ‘гонг’ (монская группа). При этом для группы бахнарических языков исследователи даже предлагают реконструкцию соответствующих корней на протоуровне. Так, П. Сидвелл приводит реконструкцию **ci:ŋ* ‘гонг’ для общего предка современных западнобахнарических языков и **ciŋ* ‘маленький гонг’ для общего предка современных севернобахнарических языков (<http://sealang.net/monkhmer/>).

Когнаты древнекитайской лексемы обнаруживаются в тайских языках: лаосский *sīŋ* ‘кимвал’, тайский *sʰiŋ* ‘кимвал’ и в австронезийских (материковых и островных): джарай *ciŋ* ‘гонг’ [10], тямский *ciŋ* ‘гонг, кимвал’ [5], малайский *cheng* (*cheng cheng*) ‘кимвал’, балийский *sengceng* ‘кимвал’.

Таким образом, три рассмотренные нами лексемы — ‘гонг’, ‘колотушка для гонга’ и ‘кимвал’ — иллюстрируют различные пути «миграции» и распространения лексических единиц, обозначающих культурно значимые объекты. В первом случае (названия гонга типа *gong*) источником очевидно были австронезийские языки Нусан-

тары (при этом не исключено, что соответствующая лексема имела там индийскую предысторию), далее лексема заимствовалась в мон-кхмерские и тайские языки. Во втором случае (слова типа *ʔab:ŋ* ‘колотушка для гонга’) распространение термина происходило на небольшой территории, где бытуют восточные мон-кхмерские языки: вероятно, название распространилось из катуических языков в кхмерский. Приведённые примеры терминов для колотушки типа *tabuh* представляют отдельную проблему, которая пока не получила адекватного решения. Как происходило распространение данной группы когнатов, которая, без сомнения, существует, пока не ясно. Третий случай (слова типа *ciŋ* ‘гонг или кимвал’) показывает распространение термина из древнекитайского

языка в австронезийские, мон-кхмерские и тайские. В двух из трёх случаев термины, обозначающие культурные объекты, общие для материковой и островной Юго-Восточной Азии, мигрируют на огромных пространствах ЮВА: между языками различных семей и различных ареалов.

Подобные «перемещения» культурно значимых терминов из языка в язык типичны для ЮВА: мы фиксируем аналогичные процессы в сфере «бетельной терминологии» (слова типа *бетель*, *арека*, *гашеная известь*), в сфере, связанной с изготовлением и употреблением рисовой браги (слова типа *брага*, *закваска*), в сфере этноботанической терминологии (см., например, названия некоторых культурно значимых растений вроде банана или тыквы-горлянки).

Экспедиция к народу тампуан в 2022 г.

Важнейшей составляющей проекта «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии» должна была стать серия этнолингвистических экспе-

Ил. 10. «Общий дом» – строение для ритуальных и светских собраний в деревне Пхум Пном, где проходила значительная часть работы экспедиции 2022 г. На стене изображения сосковых гонгов и кувшинов с рисовой брагой. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2022 г.

диций в страны Индокитая (Вьетнам, Камбоджу и Лаос), которая продолжила бы многолетний цикл этнолингвистических полевых исследований участников проекта (см. [1, 3]), однако реализовать этот план в полной мере помешала эпидемия COVID-19. В 2020–2021 и отчасти 2022 г. въезд в страны ЮВА был закрыт или крайне затруднён. Полноценная экспедиционная работа в регионе стала возможна только во второй половине 2022 г., чем и воспользовались участники проекта: в ноябре–декабре 2022 г. была организована и успешно проведена этнолингвистическая экспедиция в Камбоджу. Во время пребывания в северной провинции Ратанакири, существенную часть населения которой составляют коренные малочисленные народы (народы бахнарической группы австроазиатской семьи: тампуан, кавет, прэу, кринг, катьок, народ австронезийской семьи джарай и народ тай-кадайской семьи лао), участники экспедиции

решили несколько задач. Большая часть работы велась в деревнях народа тампуан Пхум Пном и Пхум Лапоу (ил. 10, 11).

Здесь удалось записать (в аудио- и видеоформате) и предварительно сделать фонетическую расшифровку нескольких нарративов на языке тампуан, касающихся таких тем, как жертвоприношение, свадьба, погребальный обряд и др. (работу по расшифровке вела И.В. Самарина), расшифровать фольклорный нарратив (лаосская плутовская сказка, рассказанная на языке тампуан), записанный участниками проекта ранее (расшифровку осуществили С.Ю. Дмитренко и И.В. Самарина), систематизировать и уточнить терминологию традиционной культуры языка тампуан и кхмерского языка (в том числе применительно к предметам коллекции, собранной в 2017 г. и переданной в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) РАН¹ (эта часть работы была выполнена М.В. Станюкович). В каждой деревне были

¹ Привезённые коллекции приняты в основной фонд МАЭ РАН (22 предмета, номер коллекции — 7767) и в научно-вспомогательный фонд (5 предметов, номер коллекции – 118), но ещё ждут своей публикации.

Ил. 11. Подготовка к строительству дома, народ тампуан. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2022 г.

собраны данные по этническому составу и социолингвистике: какие народы представлены в данном населённом пункте, на каких языках они говорят дома, в школе, с представителями других этнических групп, какими алфавитами владеют.

Помимо этого, участники экспедиции занимались вычиткой текстов этнографических интервью, записанных в предыдущие годы. Это, например, уникальные интервью с тампуанским шаманом Сарыаном и его дочерью Срей Нианг, взятые ранее М.В. Станюкович. Тексты интервью, в которых содержится ценная информация, касающаяся традиционной медицины бахнарических народов, социального статуса шамана, передачи шаманского дара и т.д., были в основном расшифрованы ранее А. Лукиной, однако в них по-прежнему оставалось много лакун и «тёмных мест», которые на этот раз нам удалось ликвидировать с помощью носителей языка.

Участники проекта посетили две деревни, основное население которых составляют представители народа лао — Лумпхат и Бан Понг (ил. 12). В этих деревнях была проведена первичная ознакомительная работа с носителями диалектов лаосского

языка, распространённых в данных населённых пунктах; собраны некоторые базовые сведения, касающиеся особенностей традиционной культуры лао, проживающих на территории Камбоджи.

Основные результаты проекта

Важнейшим результатом завершившегося проекта является подготовленная рукопись коллективной монографии «Реалии традиционной материальной культуры народов Юго-Восточной Азии: взгляд сквозь призму языков», подготовку к публикации которой мы предполагаем начать в ближайшее время.

В центре внимания этой коллективной монографии находится соотношение традиционной культуры коренных народов ЮВА (как малочисленных, так и крупных) и их языков, представленность объектов традиционной культуры в словаре и традиционном нарративе.

Рукопись монографии состоит из шести частей: 1. Традиционное ткачество народов ЮВА (на примере традиции народа тхай во Вьетнаме). 2. Этноботаника народов ЮВА (очерки, посвящённые не-

Ил. 12. Дом в деревне народа лао. Камбоджа, пров. Ратанакири, 2017 г.

скольким культурно важным представителям тропической флоры: банану, тыкве-горлянке, корделине и др.). 3. Пища в повседневной жизни и ритуале у народов ЮВА. 4. Практика жевания бетеля у народов ЮВА. 5. Miscellanea: традиционное жилище, гонги (на примере мон-кхмерского лингвистического и культурного материала). В качестве приложения к монографии мы приводим тексты двух интервью, записанных в провинции Ратанакири на севере

Камбоджи, о которых говорилось в предыдущем разделе статьи. Это интервью с шаманом из народа тампуан и интервью с его дочерью. Оба текста погружают читателя в реалии, связанные с медиумическими практиками и традиционной медициной бахнарического народа тампуан (северная Камбоджа), хотя в них можно найти и множество этнографических и культурных деталей, общих для огромного числа народов по всей Юго-Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитренко С.Ю. Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты (по материалам лингвистической экспедиции) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2 (91). С. 159–170.
2. Станюкович М.В. О собирании и изучении филиппинских музыкальных инструментов в России // Вопросы инструментоведения. Вып. 12. СПб.: РИИИ, 2017. С. 69–74.
3. Станюкович М.В., Фёдоров Р.В. Неотложная полевая этнография Юго-Восточной Азии. Север Камбоджи и юг Филиппин // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31250/2618-8619-2018-1-109-121.
4. Фёдоров Р.В. Роль гонгов в традиционной культуре коренных народов Камбоджи и Филиппин // IV Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник научных трудов: В 3 т. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры. М.: Государственный Российский Дом народного творчества им. В.Д. Поленова, 2020. С. 351–356. DOI: 10.24411/9999-022A-2020-00037.
5. Aymonier E.F., Cabaton A. Dictionnaire čam-français (Publications de l'École Française d'Extrême-Orient, 7). Paris, Leroux, 1906.

6. Blench R. Musical instruments of South Asian origin depicted on the reliefs at Angkor, Cambodia. Draft circulated for comment], 2007. <http://www.rogerblench.info/Archaeology/SE%20Asia/Bougon%202006/Indian%20musical%20instruments%20%20on%20the%20reliefs%20at%20Angkor.pdf>.
7. Jack-Hergoualc'h M. The Armies of Angkor. Bangkok: Orchid Press, 2007.
8. Jenner Ph.N. A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer. Canberra, Pacific Linguistics, 2009.
9. Jenner Ph.N. A Dictionary of Angkorian Khmer. Canberra, Pacific Linguistics, 2009a.
10. Lap Minh Siu. Developing the First Preliminary Dictionary of North American Jarai. MA thesis. Texas Tech University, 2009.
11. Maceda J. Gongs and Bamboo: A panorama of Philippine music instruments. Manila: UP Press, 1998.
12. Nicolas A. Gongs, bells, and cymbals: The archaeological record in maritime Asia from the ninth to the seventeenth centuries. 2009 Yearbook for Traditional Music. Vol. 41. International Council for Traditional Music, 2009. Pp. 62–93. DOI: 10.1017/S0740155800004148.
13. Nicolas A. Early Musical Exchange between India and Southeast Asia. B Early Interactions between South and Southeast Asia. P.-Y. Manguin, A. Mani, G. Wade (eds). Singapore, ISEAS Publishing-Yusof Ishak Institute, 2011. Pp. 347–370.
14. Nicolas A. Musical nomenclature for the Sanskrit term kangsa in Southeast Asia. B The Archaeology of Knowledge Traditions of the Indian Ocean World Edited By Himanshu Prabha Ray. Routledge India, 2020. Pp. 208–239. <https://doi.org/10.4324/9780429321856>.
15. Vogel S. Aspects de la culture traditionnelle des Bunoong du Mondulkiri. Pnhom Penh, UNESCO Office, 2011.
16. Pou-Lewitz S. Inscriptions modernes d'Angkor 35, 36, 37 et 39 // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 61. 1974. Pp. 301–337.
17. Reid L. Benedict's Austro-Tai Hypothesis — An Evaluation // Asian Perspectives. Vol. 26. № 1 (1984–1985). Pp. 19–34.
18. Svantesson J.-O., Lindell K., Kam Raw, H. Lundstrom. The Dictionary of Kammu of Yüan Language and Culture. Copenhagen: NIAS Press, 2014.

Vocabulary of Traditional Material Culture in Languages of Southeast Asia

Sergei Yurievich Dmitrenko — Candidate of Science (Philology), deputy director for research, Institute of Linguistics, RAS, head of the project 'Reality of Traditional Material Culture in Languages and Folklore Writings of Southeast Asian Peoples' (20-012-00325).

E-mail: dmitrserg@gmail.com

The article presents some findings of the research project "Traditional Material Culture Realia in Southeast Asia Languages and Folklore Texts". The main goal of the project is to show how the common for various South-East Asia populations material-culture elements are reflected in the areal languages — primarily, in their vocabulary. As an example of the research under the project, the article proposes an analysis of two lexemes for 'gong' and 'cymbal', respectively. Our research traces the "migration" of the corresponding terms between languages belonging to the various language families of the area (Austroasiatic, Austronesian, Sino-Tibetan, and Kra-Tai). Hypotheses on the ways of these lexemes' distribution across the region are proposed. The article also describes the main results of our 2022 expedition to the north of Cambodia (a region inhabited by indigenous peoples of the Austroasiatic language family).

Keywords: Southeast Asia, Southeast Asian languages, material culture, vocabulary, gong, cymbal, field studies

REFERENCES

1. Dmitrenko S.Yu. Bakhnaricheskie yazyki Kambodzhi: leksika, grammatika, teksty (po materialam lingvisticheskoi ekspeditsii) // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 2 (91). S. 159–170 (in Russian).
2. Stanyukovich M.V. O sobiranii i izuchenii filippinskikh muzykal'nykh instrumentov v Rossii // Voprosy instrumentovedeniya. Vyp. 12. SPb.: RIII, 2017. S. 69–74 (in Russian).
3. Stanyukovich M.V., Fyodorov R.V. Neotlozhnaya polevaya etnografiya Yugo-Vostochnoi Azii. Sever Kambodzhi i yug Filippin // Kunstkamera. 2018. № 1. S. 109–121. DOI: 10.31250/2618-8619-2018-1-109-121 (in Russian).
4. Fyodorov R.V. Rol' gongov v traditsionnoi kul'ture korennykh narodov Kambodzhi i Filippin // IV Vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sbornik nauchnykh trudov: V 3 t. T. 3: Kompleksnye issledovaniya traditsionnoi kul'tury. M.: Gosudarstvennyi Rossiiskii Dom narodnogo tvorchestva im. V.D. Polenova, 2020. S. 351–356. DOI: 10.24411/9999-022A-2020-00037 (in Russian).
5. Aymonier E.F., Cabaton A. Dictionnaire čam-français (Publications de l'École Française d'Extrême-Orient, 7). Paris, Leroux, 1906.
6. Blench R. Musical instruments of South Asian origin depicted on the reliefs at Angkor, Cambodia. Draft circulated for comment], 2007. <http://www.rogerblench.info/Archaeology/SE%20Asia/Bougon%202006/Indian%20musical%20instruments%20on%20the%20reliefs%20at%20Angkor.pdf>.
7. Jack-Hergoualc'h M. The Armies of Angkor. Bangkok: Orchid Press, 2007.
8. Jenner Ph.N. A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer. Canberra, Pacific Linguistics, 2009.
9. Jenner Ph.N. A Dictionary of Angkorian Khmer. Canberra, Pacific Linguistics, 2009a.
10. Lap Minh Siu. Developing the First Preliminary Dictionary of North American Jarai. MA thesis. Texas Tech University, 2009.
11. Maceda J. Gongs and Bamboo: A panorama of Philippine music instruments. Manila: UP Press, 1998.
12. Nicolas A. Gongs, bells, and cymbals: The archaeological record in maritime Asia from the ninth to the seventeenth centuries. 2009 Yearbook for Traditional Music. Vol. 41. International Council for Traditional Music, 2009. Pp. 62–93. DOI: 10.1017/S0740155800004148.
13. Nicolas A. Early Musical Exchange between India and Southeast Asia. V Early Interactions between South and Southeast Asia. P.-Y. Manguin, A. Mani, G. Wade (eds). Singapore, ISEAS Publishing-Yusof Ishak Institute, 2011. Pp. 347–370.
14. Nicolas A. Musical nomenclature for the Sanskrit term kangsa in Southeast Asia. V The Archaeology of Knowledge Traditions of the Indian Ocean World Edited By Himanshu Prabha Ray. Routledge India, 2020. Pp. 208–239. <https://doi.org/10.4324/9780429321856>.
15. Vogel S. Aspects de la culture traditionnelle des Bunoong du Mondulkiri. Pnhom Penh, UNESCO Office, 2011.
16. Pou-Lewitz S. Inscriptions modernes d'Angkor 35, 36, 37 et 39 // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 61. 1974. Pp. 301–337.
17. Reid L. Benedict's Austro-Tai Hypothesis — An Evaluation // Asian Perspectives. Vol. 26. № 1 (1984–1985). Pp. 19–34.
18. Svantesson J.-O., Lindell K., Kam Raw, H. Lundstrom. The Dictionary of Kammu of Yüan Language and Culture. Copenhagen: NIAS Press, 2014.